

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

ГОРДЕЙ

ЛЕВЧЕНКО

ВМЕСТЕ С ФЛОТОМ

НЕИЗВЕСТНЫЕ МЕМУАРЫ АДМИРАЛА

Маршалы Сталина

Гордей Левченко

**Вместе с флотом. Неизвестные
мемуары адмирала**

«Алисторус»

2015

УДК 82-94
ББК 63.3(0)62

Левченко Г. И.

Вместе с флотом. Неизвестные мемуары адмирала /
Г. И. Левченко — «Алисторус», 2015 — (Маршалы Сталина)

Такое еще случается: потомки давно ушедшего в небытие адмирала, разбирая его архив, нашли прежде не издававшиеся мемуары. Гордей Иванович Левченко был одним из тех военных руководителей, чьи части приняли на себя самый первый удар противника. Одесса, Николаев, Севастополь – вот этапы боевого пути адмирала в огненные дни 1941 года. Именно Левченко командовал обороной Крыма в первый год Великой Отечественной войны. В дальнейшем адмирал оставался на самом острие боевых действий советского флота. Это он командовал Ленинградской и Кронштадтской военно-морской базой в дни героической обороны Ленинграда. Мы представляем уникальные мемуары одного из самых заметных командиров советского флота в военные 40-е годы XX века.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)62

© Левченко Г. И., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Часть 1	6
Школа юнгов	8
Первое плавание	12
Первая империалистическая	15
Корабли революции идут в Петроград	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гордей Иванович Левченко

Вместе с флотом. Неизвестные мемуары адмирала

*Книга вышла благодаря Николаю Владимировичу Мартыноку.
Особая благодарность – Уперевой Елене Васильевне и Груйичичу Драгану.*

© Левченко Г.И., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Часть 1

Первая империалистическая

Я родился 20 января 1897 года в селе Дубровка. Село, в котором я провел свое детство, речка Смолка делит на две половины. В административном подчинении село относилось к Новград-Волынскому уезду Житомирской губернии. Значительная часть земель принадлежала графу Потоцкому. Он же являлся предводителем местного дворянства.

Узкие оскудевшие полоски земли родили мало, а ведь это была основа жизни крестьян. Помещик пользовался дешевой рабочей силой, особенно женской, при уборке урожая.

...Покосившиеся хаты жались одна к другой, село притихло. Парни и девчата редко собирались по вечерам. Часто собирались мужики, перешептывались осторожно, но уже поговаривали о разделе земли помещичьей и церковной. Особенно часто собирались мужики у вернувшихся с Русско-японской войны солдат-односельчан. Для меня многое в этих разговорах было непонятно. Они звучали тревожно и радостно. Они сулили другую жизнь, более счастливую.

А что такое крестьянская доля, я уже знал. Хата с глинобитным полом в одну большую комнату с русской печкой, а по вечерам непрерывно чадит лучина. Мать расстилает на полу домотканую холстину, и мы вповалку располагаемся на ней спать. Когда гаснет лучина, в темноте еще долго носится запах сухого дерева. Слышно как за печкой раздается пение сверчка.

Из семи детей в семье я был шестым по счету. Но и на мне уже лежало немало обязанностей: помогал пилить и колоть дрова, щепал лучину, помогал матери по хозяйству.

Весть о январских событиях 1905 года пришла в село поздно. Привез ее раненый солдат, возвращавшийся домой и попутно заглянувший в наше село. Он-то и поведал крестьянам о всех событиях. Особый интерес вызвала весть о возможном разделе между крестьянами помещичьей и церковной земли. Солдат часто говорил, что для этого нужна большая сила и ум, жалко, что грамотных среди мужиков маловато. Землю-то может еще и мы отобрать успеем, а хозяйничать на ней будут наши дети.

В деревню нагрянули жандармы. Многих крестьян избили, солдата арестовали. Больше я его не видел, но его слова глубоко запали в мою душу и запомнились на всю жизнь. Мне казалось, что простому крестьянскому парню вместе с миллионами таких же простых людей придется хозяйствовать на земле.

Как сложилась в дальнейшем моя жизнь? Поступил я в церковно-приходскую школу. Учителем был Семен Михайлович Белецкий. Он много вкладывал своих сил, труда и любви, чтобы дать начальные знания деревенским ребятам, открыть путь к знаниям. Противоположностью этому был сельский священник Ковалевский. Своими окриками, а порой и прямым издевательством, подкрепленными божественными изречениями из святого Евангелия, своими угрозами, что Бог нас покарает, он отбивал всякое желание к учебе. Многие деревенские парни и заканчивали на этом свое образование.

Приходскую церковную школу я окончил. Стал просить отца направить меня в город Новград-Волынский, расположенный в тридцати километрах от Дубровки, учиться в городское двухклассное училище. Желание мое исполнилось. Плата за обучение составляла 6 рублей. Чтобы заработать на книги, тетради и иметь возможность оплатить другие, связанные с учебной расходомы, я в летнее время нанялся пасти скот в своем селе. В летнее время одевал себя сам. Умел хорошо плести лапти и в летнее время обходился при любой погоде, сапоги были не нужны. Так было в летнее время все три года, пока учился в городском училище. Уголок был снят – именно уголок – только для ночлега у сапожника Коростылева, который всегда пропивал свой заработок на ярмарке, а жена его была прачкой. Мне приходилось очень часто носить с

речки воду для стирки и других бытовых нужд. Раз в месяц отец привозил продовольствие из дому: картошку, муку, сало.

Учился успешно. Три года прошли быстро, и вот уже встал вопрос: что делать дальше, как быть? Самое большое, на что я мог рассчитывать – это получить место писца в земской управе. Нет, это меня не устраивало. Учиться дальше? Но для этого нужны средства.

Как-то гуляя по городу я случайно прочитал объявление, что школа юнгов в Кронштадте производит набор молодежи в возрасте 16–17 лет. В объявлении указывалось, что все принятые в школу находятся на полном обеспечении. Для поступления в *школу юнгов* нужно было сдать экзамены и пройти медицинское освидетельствование в одном из перечисленных пунктов. Ближайшим был город Могилев. Экзамены были назначены на июль месяц.

Кто из нас в пору юности не мечтал о дальних морских походах, о суровой и увлекательной жизни моряка! К тому же открывалась возможность учиться, да еще на полном обеспечении.

Сборы были недолгими. Котомка с продуктами, купленный за последний деньги билет 4-го класса – и вот я уже еду в Могилев.

По прибытии на место я отыскал приемную комиссию, встретился с такими же искателями счастья – Молодцовым, Демиденко, Дроздовым и Выдра. Вступительные экзамены я сдал, медицинская комиссия признала годным к службе на флоте. Можно было возвращаться домой и ждать там первого сентября. Денег на обратный билет не было. Пришлось добираться «зайцем» – то на площадке между вагонами, то в тамбуре, то на крыше, а местами – пешком по шпалам. Но, как говорится, свет не без добрых людей. Вот такого доброго человека я и повстречал. Звали его Петр Сидорович Огородников, он был главным кондуктором товарного поезда и на груди его висели большие часы и свисток. Петр Сидорович снял меня с крыши вагона и строго отчитал. Потом, выслушав мою историю, ворчливо заметил: «Беда с вами, с «зайцами». Иди за мной».

Я думал, что он ведет меня к жандарму. Однако Петр Сидорович посадил меня в пустой вагон и запломбировал его. Теперь я мог ехать спокойно.

Поезд часто останавливался и подолгу стоял. Время тянулось медленно. В пустом вагоне было тоскливо. Мучил голод. На одной из остановок дверь вагона отворилась и Петр Сидорович весело спросил: «Ну как, путешественник? На-ко вот, поешь», – он протянул мне большой кусок хлеба с салом, – мое любимое кушанье. Я жадно набросился на еду. Подождя пока я поел, он стал меня расспрашивать, изредка задавая вопросы и все время чему-то улыбаясь. Его добродушные глаза напоминали мне взгляд того раненого солдата, которого я видел в Дубровке в 1905 году. «Учиться – это хорошо. Народ наш умен и талантлив, а грамоте не обучен. Может от этого и живем в нужде и в дикости», – сказал Петр Сидорович.

На станции Овруч мы расстались с ним, дальше состав не шел. Сидорович дал мне на дальнейшую дорогу 50 копеек. В общей сложности от Могилева до станции Полонное, что расположена в 20 километрах от Дубровки, я добирался много дней. Однако все эти мытарства казались мне незначительными по сравнению с главным. Это главное заключалось в коротком поэтическом слове – море! Ему я вверил свою судьбу и сердце, оно, еще не виденное, но уже близкое, властно звало к себе.

В своей деревне на реке Смолка я с братом еще до школы весной во время половодья, или после больших дождей, часто любил испытывать свою смелость и ловкость. Мы становились на большие доски или бревна и, отталкиваясь длинным тестом, стоя во весь рост, плавали по реке. Были случаи, когда мы срывались с бревен в воду и принимали холодные ванны. Тогда быстро бежали домой, одевали что-нибудь сухое и опять продолжали свои путешествия до водяной мельницы. Часто за эти развлечения нам попадало от матери, но зато привилась любовь к водной стихии. А вот теперь предстояла поездка в настоящую морскую школу.

Школа юнгов

В конце августа я купил билет и выехал в Петербург. В пути встретился с такими же, как сам, искателями счастья. Это были Прождоков, Вакуленко, Линич и Скачко. Решили держаться вместе и делиться своими припасами.

Петербург поразил нас обилием людей и света, шумом и суетою. Горели газовые фонари, в их неровном свете колыхалась пестрая толпа, запрудившая Невский от Знаменской площади (ныне площади Восстания) до Адмиралтейства. Зазывая сенокосов, наперебой кричали извозчики, кругом шныряли навязчивые маклеры, предлагавшие за деньги всевозможные услуги.

Расспросив встречных людей, как проехать в Кронштадт и получив разъяснение, мы по Невскому направились в путь. Дальнейшие расспросы помогли добраться до места отправления пароходов, которые ходили до Кронштадта. В те времена въезд в Кронштадт был свободен и на пристани толпилось много хорошо одетых штатских, намеревавшихся совершить экскурсию в город-крепость. Немало было и военных моряков. Один из них подошел к нам и спросил, куда мы едем. Наш вид, одежда и возраст сами говорили за себя. Но все же мы ответили – в школу юнгов. «Значит к нам. Так я и думал. Ну что ж, давайте грузиться», – предложил моряк. В званиях мы не разбирались. Взяли билеты и пошли на пароход, который совершал рейсы в Кронштадт. Моряк сказал нам, что он из школы юнг, звание его унтер-офицер и служит он командиром взвода в одной из учебных рот школы, а зовут его Александр Зимин. В пути он нам много рассказывал о школе юнг, о том, чему и как там учат.

Пароход вышел из Невы и мы впервые увидели море. Широкое и бескрайнее оно все было покрыто белыми барашками волн. Мне оно напоминало перепаханное поле. Ровные ряды волн катились навстречу пароходу и, разбиваясь о него, рассыпались на мелкие брызги. Пароход нервно вздрагивал. Слегка кружилась голова. Плавая по реке Смолке я такого чувства не испытывал. Так вот какое оно, море! Не то, что наша река Смолка. Сколько раз море рисовалось в моем воображении, но оказалось совсем другим – беспокойным и совсем неласковым, оно как бы сразу предупреждало, что шутить с ним нельзя. Что оно сулит нам, что ждет нас на том пути, на который мы, пятеро юных мечтателей, вступили сегодня?

В школе нас распределили по разным ротам. По росту я был определен в 4 роту к мичману В. Япук. В первый же день нас повели в баню и сняли под машинкой волосы под первый номер. Нам выдали новое, из холста, рабочее верхнее обмундирование и познакомили с правилами школьной жизни. Со следующего дня наша жизнь в школе пошла по строгому военному расписанию, соответствующему корабельной жизни.

Все обмундирование подгонялось по росту. При школе была своя портновская и сапожная мастерская. Пока изготовлялось обмундирование соответствующего роста, основной одеждой была холщевая парусина.

Полное укомплектование всех рот продолжалось каких-нибудь два-три дня, так как все будущие юнги были заблаговременно проверены специальными медицинскими комиссиями в тех пунктах губерний, где они подавали заявления о приеме в школу юнгов.

Кроме проверки состояния здоровья, то есть медицинской годности к службе во флоте, определялась степень общей подготовки кандидатов на учебу, их знания, их общеобразовательный уровень.

Следует отметить, что принципы отбора в школу юнгов перед первой мировой войной не особенно отличались от условий приема в военно-морские училища, с той лишь разницей, что будущие юнги должны были приезжать к месту расположения школы за свой счет. Приемных экзаменов в самой школе юнгов не проводилось. Как указано выше, знания кандидатов на учебу проверялись на отборочных губернских комиссиях.

Вместе со мной в школу приехали Барсуков, Закорчевный, Черненко, Воскобойников, Петрухин, Вакуленко и другие. Жизненная судьба проходила у каждого своим порядком. Я и сегодня вспоминаю своего командира взвода А. Зимина, как он обучал нас показом и рассказом.

В основе обучения в школе юнгов лежали – строевая подготовка, изучение общеобразовательных дисциплин и освоение флотской специальности. Изучались все корабельные профессии того времени, и каждый из юнгов мог выбирать специальность по своему желанию. Меня больше всего интересовало артиллерийское оружие и я отдал предпочтение специальности корабельного комендора¹.

Общеобразовательные предметы – физику, химию, электротехнику, механику и другие, а их было всего около 12, преподавали специалисты-чиновники и некоторые офицеры – Пель, Дергачев, Ульрих и др. Закон божий преподавал поп Путилин, который в 1921 году во время восстания в Кронштадте был главным идеологом мятежников. Он был основным жителем Кронштадта и работал в какой-то организации церковников до мятежа. Потом бежал в Финляндию, когда штурмующие отряды Красной Армии заняли Кронштадт.

Специальные предметы морской практики, вязка всевозможных узлов, боцманская морская дудка – преподавали опытные унтер-офицеры, отлично знающие свое дело. Многие из них сами начинали службу юнгами. Почти все инструктора, командиры отделений и взводов много раз бывали в дальних заграничных походах и часто рассказывали нам о своих впечатлениях. Эти рассказы слушались с увлечением, вселяли надежду на то, что и нам доведется повидать и испытать многое и, надо сказать, значительно укрепляли нашу привязанность к флотской службе.

Вспоминая сейчас эти душевные беседы со старшими товарищами о флотской службе, я думаю о том, как мало мы сегодня уделяем внимания привитию молодым матросам горячей любви к флотской службе, к ее испытаниям, трудностям и радостям. Еще многие наши старшины не умеют рассказывать с большой душевной приподнятостью о подлинной романтике флотской жизни. Нередко молодой человек 18–19 лет, со свойственной юности мечтательностью, представляет себе морскую службу как непрерывную цепь необычайных приключений и увлекательных увеселительных прогулок по зеркальной глади морских просторов, под ласковым летним солнцем. Придя с таким представлением о службе на корабль, он сразу же сталкивается с трудностями, с суровой действительностью, опрокидывающей эти представления. Трудности службы кажутся ему слишком обычными, «земными» и он иногда начинает разочаровываться. Вот тут-то и должен ему на помощь прийти старшина и очень хорошо, умело и увлекательно рассказать о том, что такое настоящая морская романтика. Он должен уметь показать, что подлинная романтика заключена в борьбе с этими трудностями, в той возбуждающей опасности, которая подстерегает моряков всюду, в постоянном физическом и духовном напряжении, в ясном понимании смысла и цели своей службы – великой цели служения народу, строящему самое светлое человеческое общество – коммунизм. Страстный и умный разговор обо всем этом должен окрылять людей...

Наличие в настоящее время на кораблях всех классов современной техники требует у личного состава ее отличного знания. Необходимо уметь управлять этой техникой, а эта задача возлагается на обслуживающих технику матросов. Современные матросы должны быть знатоками своего дела, отлично разбираться в работе отдельных механизмов и агрегатов. Каждый матрос, находясь на своем боевом посту, должен с одного взгляда уметь понимать и чувствовать работу механизмов своего заведования.

Высокая квалификация матросов достигается настойчивой повседневной учебой и неразрывно связана с любовью личного состава к порученному делу, к своему заведованию.

¹ Комендор – наводчик орудия и знающий материальную часть.

Следует отметить, что в школе юнгов первостепенное значение придавалось физической подготовке. Мы ежедневно по утрам ходили в морской манеж, где обучались разнообразным видам спорта, кроме плавания, так как плавательных бассейнов тогда не было. За время обучения в школе каждый юнга получал все необходимые ему навыки и знания в физкультурных упражнениях и мог быть инструктором по физической подготовке на корабле, где служил и одновременно выполнять свою основную работу по специальности.

В школе юнгов большое внимание уделялось практическому обучению. Наряду с освоением основной специальности, мы должны были научиться сами производить ремонт отдельных частей и механизмов, приобрести навыки в слесарном деле. С этой целью три раза в неделю по вечерам мы ходили в механические мастерские. Полученные там практические навыки впоследствии оченьгодились.

После двухмесячного обучения в школе нам в первый раз было разрешено увольнение в город. В течение этих двух месяцев нас усиленно муштровали: тренировали в отдании чести, учили становиться «во фронт», заставляли часами заниматься этим не только на плацу, а и позировать перед зеркалом. При увольнении на берег мечтой каждого из нас было сходить в кино. Но попасть туда было почти невозможно: на весь Кронштадт был единственный кинотеатр. В воинских частях и на кораблях в те времена не было ни одной киноустановки. Поэтому уволенные на берег, как правило, без дела слонялись по городу, а более смелые обзвевали торговые ряды на Болотной площади и витрины магазинов на Господской улице (главная улица города). Нижним чинам разрешалось ходить, считая от церковной площади к купеческой гавани только по левой стороне этой улицы. Поэтому левую сторону и называли «суконной». Особенно боялись кронштадтского генерал-губернатора вице-адмирала Вирена. Он часто разъезжал по главным улицам в одноконной пролетке и следил за порядком. У него к этому было какое-то особое пристрастие. Наверное самым любимым его занятием было останавливать матроса. Его кучер знал это, и поэтому еще издавек, как он только замечал матроса или солдата, то сразу же направлял коляску к нему, подъезжал и останавливался. По зову адмирала нужно было бегом бежать к нему, а подбежав, отдавать рапорт и представляться. Вирен требовал, чтобы ему показывали те определенные места бескозырки и брюк, на которых писались данные об их владельце. Он хотел убедиться, что необходимые надписи сделаны. А тому, у кого положенных надписей не было, место на гаупвахте было обеспечено. Обязательно спрашивал знание наружных отличий и титулование офицерских чинов, а также членов царской семьи, «светлейших князей» и проч. Белого в яблоках жеребца и пролетку Вирена знали все матросы и солдаты и, завидев их, разбегались и прятались в ближайших дворах.

На одном из совещаний в Кремле в 1939 году после всех дел товарищ Сталин И.В. спросил товарища Кузнецова, почему бы Наркому ВМФ не установить в военно-морских базах порядок, подобный тому, какой был в Кронштадте при Вирене. Для этого нужно снять вировскую монархическую ржавчину и царский деспотизм самодержавия, заменив его нашим советским укладом жизни, воинским порядком и дисциплиной, уважением и любовью к матросу и солдату. Не забывать и гражданское население. Ведь матросы от тех порядков не умирали, если исключить эту чепуху, а порядки были, и не плохие, – добавил товарищ Сталин. Нарком Н. Кузнецов обещал это выполнить.

Прошла Великая отечественная война и в 1946 году товарищ Сталин И.В. опять напомнил о порядках Вирена. В то время командиром Кронштадтской военно-морской базы был назначен контрадмирал Румянцев. Он пытался кое-что сделать, но у него не получилось, ибо он все переложил на коменданта города. Мне приходилось проверять порядок и работу командира базы, будучи главным инспектором ВМФ.

Командовал школой юнгов генерал-майор фон Пец. Он постоянно и неусыпно заботился о том, чтобы воспитать из нас преданных царскому престолу матросов. В школе свято отмечали все престольные праздники, дни рождения многочисленной царской фамилии, регулярно посе-

щали морской собор. Накануне пасхального дня, вся школа юнгов около 400 человек с командирами рот в парадной форме, начальником школы занимали на втором этаже балкон (хоры). После церковного обряда Вирен поднимался к нам на балкон, обходил строй в сопровождении фон Печа. Кто больше всего на него производил симпатию и впечатление, Вирен с тем по-христианскому обычаю целовался трехкратно. Таких было 3–5 человек. После этого строем уходили в школу. Все воинские части в обязательном порядке проходя резиденцию-дом, в котором проживал Вирен, начальник команды подавал команду «смирно» с поворотом головы в соответствующую сторону. Строй подтягивался, чеканя каждый шаг по булыжной мостовой.

В февральской революции 1917 года матросы Кронштадта и все его старожилы припомнили наместнику и военному губернатору города все его издевательства и унижения человеческого достоинства матросов. Причем Вирену говорили: «тебя судим и наказываем не за порядки, которые были в городе, а за издевательства, оскорбление человеческого достоинства».

Каждый юнга должен был наизусть знать родословную всех «светлейших» князей и царских особ. С целью изучения этой родословной с нами под руководством командиров взводов проводились специальные занятия. Начальник школы фон Пец знал, что проверка при увольнении в город может быть проведена при задержании юнги вице-адмиралом Виреном. А юнга не знает. Что будет с начальником школы?

Больше всех усердствовал поп Путилин по закону божьему. Специально подобранные статьи из Евангелия упорно вбивались нам в головы. В них проповедовалась законность войны, смерть на поле брани, о царской власти, о праве собственности и много, много других всевозможных изречений.

Царское правительство, всерьез озабоченное ростом недовольства в стране, старалось найти опору в армии и на флоте, чтобы использовать вооруженные силы страны для подавления этого недовольства.

В марте 1914 года юнги отправились в Царское село, расположенное недалеко от Петербурга. Здесь молодым морякам предстояло участвовать в царском смотре с одновременным принятием присяги на верность царю. Смотр производил император России Николай II. На громадном плацу выстроились десятки различных воинских частей. Золотом и серебром сверкали конногвардейцы и кавалергарды, ошеломляло разнообразие форм гвардейских полков. Юнги здесь в присутствии царя принимали присягу среди группы генералов, окружавших человека с рыжеватой бородкой и тусклыми глазами. Этот полковник и есть царь Николай, самодержавный властелин Российской империи, хозяин русских людей и земли русской.

Вместе с другими воинскими частями прошли мы перед царем церемониальным маршем и удостоились царского «спасибо» и в подарок по серебряному рублю. На этом и ограничились царские «милости».

Юнги после парада отправились в Петроград осматривать Зимний дворец. Никогда не видавшие ранее ничего подобного, юнги растерянно проходили по громадным залам, стараясь как можно легче босиком ступать по отполированным до зеркального блеска паркетам. Мы были ошеломлены окружавшей нас роскошью. С трудом верилось, что все это великолепие принадлежит одному человеку – царю. В голове не укладывалось, зачем ему нужны эти сотни залов, зачем израсходовано столько денег для одного человека?

Невольно вспоминались деревни, курные избы, лучины. Подавленные мы выходили из царских чертогов. Одели свои сапоги и подумали о вопиющей несправедливости: кому-то все, а остальным жалкие крохи!..

Надо полагать, царь в это время не думал о том, что через три года многие из нас с оружием в руках пойдут на штурм этого дворца, чтобы навсегда утвердить в стране власть рабочих и крестьян.

Первое плавание

Обычно после практических походов во внутренних водах юнгов посылали на боевых кораблях на 7–8 месяцев в заграничное плавание. В мае 1914 года всех юнгов списали на учебный корабль «Рында». В зимний период обучения многие офицеры этого корабля были командирами рот в школе юнгов – Яцук, Каменев, Поликарпов, Бибилов и другие, а в летний период обучали нас на корабле. Преемственность обучения была непрерывной. Тоже было и с унтер-офицерским составом. Вся морская подготовка заключалась в изучении корабля, шлюпочных учениях, артиллерийских стрельбах, подрывных работах на береговом полигоне и овладении тонкостями всей корабельной службы, как на ходу, так и на якоре. Шлюпочные учения проводились ежедневно, на всех типах шлюпок – от тяжелых баркасов до легких вельботов, как под веслами, так и под парусами в любую погоду.

Тех, кто плохо осваивал это ремесло, а таких всегда набиралось несколько человек, после обеда вместо отдыха (а обед считался от 12 до 14 часов) отправляли тренироваться под наблюдением вахтенного офицера гребле веслами. Для этих целей использовалась одна из шлюпок, которая специально стояла на бакштове (за кормой корабля). Обычно при этом вахтенный офицер еще подавал команды – как держать весло, над его заносить, какое при этом иметь положение корпуса и так далее. Получалась полная картина шлюпочного учения, даже при наличии одного человека на шлюпке. Надо сказать, что такие тренировки очень влияли на отстающих.

Вызов на шлюпку производился в 12 часов 30 минут. У вахтенного унтер-офицера имелся список всех лиц, направленных на занятия. Он их вызывал свистками боцманской дудки наверх. Они становились в строй и по команде по штурмтрапу спускались в шлюпку и занимали свои места.

Тренировки на шлюпках давали физическое развитие, воспитывали в юнгах выносливость, ловкость, смелость, прививали им все необходимые качества моряка. Каждый юнга в совершенстве выполнял вязку морских узлов и такелажные работы с тросами всех размеров от легких пеньковых до тяжелых стальных. Нас знакомили, как изучать корабль. Методика была проста. Корабль делился на отсеки. В данном случае корабль, на котором мы плавали, делился на четыре отсека – от киля до клотика, включая все, что выше верхней палубы. Изучающий должен был схематически чертежом расположить все детали механизмов, приборов, труб с разной окраской (в зависимости от назначения), люков, горловин как по вертикали, так и по горизонтали изучаемого отсека сверху вниз. На изучение одного отсека давалась только одна неделя. Затем делалась проверка руководителем и если все было выполнено правильно, то переходили к изучению следующего отсека. Это способствовало в любое время суток ориентироваться в розыске нужных аварийных узлов повреждения. В течение месяца каждый юнга досконально изучал свой корабль и расположение механизмов в любом отсеке корабля, подобно тому, как излагалось в тактическом формуляре.

Парусно-винтовой корабль «Рында», на котором началось наше первое плавание давал очень много для юнгов.

Давно уже парусники ушли в область истории. Моря и океаны бороздили бронированные крепости-дредноуты, быстрые крейсера и миноносцы, под водой ходили подводные лодки, но по-прежнему молодых моряков, а особенно юнгов, парусному искусству учили в полной мере. Бегать, а не ходить по вантам. Раскаленные смоленые ванты от солнечных лучей, оставляли ссадины на руках, а иногда и сдирали кожу с рук. Справедливо считали, что именно на паруснике моряки приобретают сноровку, ловкость, смелость. Страшно было в первый раз подниматься на мачту и убирать паруса на многосаженной высоте. Во время свежей погоды мачта описывала большую дугу. Казалось, вот-вот не удержишься, сорвешься. Потом привык и быстро взбегал

по тросовым лестницам, казалось, чуть ли не к самым облакам. Нужно было запомнить множество непривычных морских терминов. Я мог даже в ночной темноте быстро и точно находить нужную снасть. Командир корабля капитан 2 ранга И. Басов хорошо владел управлением корабля, используя паруса при входе в гавань. В этом равных ему не было. Он знал когда и кому дать команду манипуляции парусами, кливером, а иногда помогая машиной. Корабль был одновинтовым. В плавании работали почти непрерывно. Помогала физическая закалка. Уставали, но за всякую работу все брались дружно. Изучали машину, парусное дело, сигнальное дело, знакомились со штурманским делом, работали в угольных ямах, подавая уголь к топкам, убирали шлак несгоревшего угля и все вручную, стояли у штурвала рулевыми.

Перед тем, как начать службу на боевых кораблях, все юнги проходили практику на таких учебных кораблях, как «Петр I» и «Александр II». Броненосные корабли «Петр I» и «Александр II», оснащенные орудийными башнями, были кораблями устаревших конструкций, но практику для матросов артиллерийской специальности и школы юнгов того времени вполне обеспечивали. Наличие на них корабельных шлюпок всех категорий обеспечивало необходимую морскую подготовку.

Обычно в летнее время стоянка кораблей была на Биорских рейдах. Основным средством сообщения корабля с берегом были гребные шлюпки. На них перевозились все грузы и личный состав корабля. Считалось почетным быть гребцом командирского вельбота, личный состав которого часто получал поощрения от командира корабля. Поощрения были разные: от чарки водки до внеочередного увольнения на берег.

Шлюпочной подготовкой юнгов ведали офицеры-мичманы Прозоров, Каменский, Скальский и Поликарпов. Они умели преподавать шлюпочное дело под веслами и парусами как показом, так и теоретически. Полученные мною знания остались у меня на весь период моей службы на флоте. Матросские навыки давались всем юнгам.

Следует рассказать о парусиновых койках. В настоящее время это музейная редкость, если она сохранилась.

Вся команда спала в парусиновых койках. Убирали и выносили койки на верхнюю палубу, в специальные сетки, где они хранились. Сетка – это не авоська, с которой хозяйка ходит на рынок за продуктами. Корабельная сетка – ящик легкой металлической конструкции. В ней укладывались на день парусиновые койки от 10 до 20 штук. Ящики были разных размеров, зависящих от места, которое представлялось при постройке корабля. Подобные сооружения были почти на всех кораблях довоенной постройки. Хранение коек на верхней палубе, кроме всего было как спасательное средство. Матрацы были из пробковой крошки. Каждая койка свободно выдерживала на плаву человека. Каждый юнга и матрос хорошо, свободно умели вязать свою койку на весу и по команде вынести в сетку. Времени от сигнала побудки до выноса связанной койки определялось 5 минут. Вечером, перед сном по сигналу: «койки брать» – их разбирали кроме дежурной службы. Чемоданов в нашем понимании на корабле не было – это горючий материал. Каждый матрос имел два парусиновых чемодана. Большой, в котором хранилось все обмундирование первого срока (новое выходное). Укладка его была такова, что каждый матрос даже без света знал, где какой предмет из вещей лежит. Им пользовались редко, Малый чемодан – в нем были вещи повседневного пользования. Он находился сверху ящика, в котором хранились чемоданы. Чемодан разрешалось приобретать, когда матрос ехал в отпуск. А когда матрос возвращался из отпуска чемодан обычно оставляли дома. Ящики, в которых хранились парусиновые чемоданы располагались вдоль бортовой обшивки. Обычно на них спали ночью старшины, занимая два ящика в длину.

Следует сказать и о корабельных карцерах, которые на кораблях заменяли гауптвахту, имевшуюся на берегу. Офицерство полагало, что карцер на корабле поможет вышибить всякие вольнодумства и провинности, которые совершали матросы как на корабле, так и на берегу. Сам корабельный карцер и содержание в нем было гораздо строже, чем на береговой гаупт-

вахте. Они были специально построены как для одиночного содержания наказанного, так и одновременного нахождения в карцере 2–3 человек. Режим питания был разный: строгий (хлеб и вода) и общий. Нахождение часового при карцере было обязательным. Корабельный боцман всегда имел особую корабельную работу для лиц, отбывающих наказание в карцере. Когда некоторые камеры карцера пустовали, что бывало довольно-таки редко, матросы любили укрываться в них от командиров, чтобы отоспаться, особенно по воскресеньям. В эти дни всегда был церковный обряд. Поп Серафим с помощью разборного алтаря и царских врат проводил в батарейной палубе весь церковный канон со всеми атрибутами по Евангелию. Певчими и регентом были матросы. По окончании церковного обряда командир корабля по большому сбору на шканцах (кормовая часть корабля) читал главу по своему усмотрению из корабельного устава.

Был и другой вид наказания. За малейшую провинность ставили на шканцах в районе постоянного наблюдения и контроля вахтенного офицера, с походной выкладкой груза: обычно две сумки песка по 5 кг через оба плеча, трехлинейная винтовка на плече и в течение 2 часов стоять на вытяжку. Это наказание выполнялось после обеда в период установленного 2-х часового отдыха, до очередной разводки на работу. Обычно давали такое наказание на 2, 6, 8 часов.

Когда меня с началом войны 1914 года перевели на боевой корабль, мне понадобилось всего две недели, чтобы освоить его со всей начинкой в каждом отсеке. Эта метода для меня сохранилась на всю службу на флоте, на каких бы кораблях я не служил. Знание каждого отсека корабля давало возможность каждому офицеру и матросу свободно ориентироваться на нем. Я всегда рекомендовал так изучать корабль своим офицерам и старшинам. Когда меня назначили старшим артиллеристом линейного корабля «Парижская коммуна» в 1925 году, я таким же порядком изучал его. А линейные корабли того времени были самыми совершенными по техническому оснащению. Этот же метод пришлось применить, когда мы принимали в Англии трофейные корабли в 1944 году. Все это на несколько месяцев ускорило приемку кораблей и выход на них в Советский Союз. Англичане говорили нам, что советские матросы – это переодетые офицеры. Слишком быстро они освоили совершенно чужие им корабли и механизмы.

Хотелось бы рассказать о боцманской дудке. Ее носят все курсанты и нахимовцы на парадах, но пользоваться не умеют, вернее, не умеют подавать сигналы дудкой. А ведь это не свисток милиционера. В парусном флоте на прежних кораблях старой конструкции дудка была необходимой. Она была принадлежностью не только боцмана, но и вахтенного старшины. Все команды разного предназначения предварялись боцманской дудкой. Дудка воспроизводит до семи самых разнообразных сигналов. Знатоков, умеющих давать такие сигналы, сейчас найти трудно. А в то время всех юнгов этому искусству обучали очень хорошо, оно и сейчас мною не забыто, хотя прошло более 65 лет.

Многие из юнгов после революции занимали большие посты. Все из них артиллеристы. Адмирал Юмашев был Главкомом Военно-Морского Флота, адмирал Басистый, вице-адмирал Грен был помощником начальника военно-морской Академии. Контр-адмирал И.Д. Снитко – начальником морского артиллерийского полигона. Ф.И. Крылов – начальник судоподъема кораблей и ряд других офицеров, которые занимали ответственные посты.

Первая империалистическая

С началом войны 1914 года меня назначили на крейсер «Паллада». В соответствии с расписанием по боевой тревоге я был замковым у 75-мм пушки. В октябре, как повышение, я был назначен командиром 75-мм пушки на крейсере «Адмирал Макаров». Звание комендора я получил еще в школе юнгов и обучение на звание артиллерийского унтер-офицера было естественным.

В один из осенних дней наша бригада крейсеров «Адмирал Макаров», «Паллада», «Громобой» и «Олег» вышли в Балтийского море для постановки мин заграждения на путях движения транспортов противника с грузами железной руды из Швеции. После выполнения задачи крейсера на обратном пути встретились на большой дистанции с легкими крейсерами немцев: «Магдебург», «Мюнхен», «Дрезден» и «Фридрих Карл». Сыграли боевую тревогу. Корабельный поп Никодим обходил с большой чашей «святой воды». Ее несли два матроса согласно боевому расписанию. Поп с кропилом ходил по батарейной палубе, по бортам которой были расположены артиллерийские установки и этой «святой водой» с божественными изречениями благословлял «божьем именем» нас в храбрости и победе. Бой начался на больших дистанциях, но быстро закончился. Обе стороны без существенных потерь и повреждений разошлись.

На подходе к своим базам в районе Лапвик, крейсер «Паллада» был потоплен торпедой немецкой подводной лодки.

В походах и обычной жизни поп Никодим выполнял работу шифровальщика, ибо у него другой работы на корабле не было.

Офицеры кают-компаний за питание в ней денег с Никодима не брали. Это был общий порядок на всех кораблях, где была должность попа.

В феврале 1915 года меня послали учиться на артиллерийского унтер-офицера в Кронштадт.

Заведующим артиллерийскими классами в Кронштадте был капитан 3 ранга В.А. Унковский. Мы с ним на протяжении многих лет встречались в разных служебных и учебных делах. В последнее время Унковский был профессором в звании вице-адмирала.

В мае 1916 года я был произведен в унтер-офицеры и назначен на эскадренный миноносец «Забияка», где получил в заведование носовую артиллерийскую батарею. Служба на «Забияке» была обычная. Корабль ходил в дозоры, выполнял минные постановки, нес охранение крейсеров при переходах. Но главное, что здесь я познакомился с человеком, дружба с которым оставила глубочайший след в моей памяти и в определенной мере определила мое личное поведение в бурных событиях того времени.

Этим человеком был матрос-большевик П. Заикин. Он служил на корабле кочегаром и входил в артиллерийский расчет носового плутонга. Это был твердый, с большой силой воли человек, располагающий к себе спокойной рассудительностью, умением разобраться в сложных событиях того времени. До службы на флоте он работал на заводе Леснера, был тесно связан с рабочими и умело рассказывал о них матросам. Заикин был первым моим политическим руководителем и учителем. Да и не только моим – влияние этого человека ощущали все матросы корабля.

Большинство матросов «Забияки» было призвано на флот из деревни. И если о жизни и быте крестьянства, его нуждах мы имели достаточно ясное представление, то жизнь рабочего класса мы представляли плохо. А Заикин рассказывал нам о жизни рабочих, о низкой заработной плате, о недостатках продовольствия, о забастовках на заводах и требованиях, которые выставляли рабочие.

Разумеется, все эти разговоры не могли остаться незамеченными начальством. П. Заикин был на подозрении у офицеров, они старались уличить матроса в антиправительственной про-

паганде. Обеспокоенные разговорами, офицеры старались под видом проверки службы чаще бывать вечерами в кубриках. «Нюхали», – как выражались матросы. Особенно часто навещался в кубрик минный офицер Поликарпов – ярый монархист и провокатор. Заигрывая с матросами, он «сочувственно» относился к тяготам их службы, старался заводить провокационные разговоры, чтобы выявить наиболее недовольных матросов. Но матросы знали, с кем имеют дело, и обычно отмалчивались.

Так, почти незаметно для меня самого, П. Заикин начал втягивать меня в настоящее дело. Февраль 1917 года застал нас в Ревеле.

Весть о революции в Петрограде взбудоражила матросов. Но о том, что произошло в Петрограде, старались утаивать от матросов. Когда об этом попросили рассказать командира корабля капитана 2 ранга барона Косинского, он отказался, сказав, что сам толком не знает, что творится.

Лишь 2 марта на кораблях была зачитана телеграмма о событиях в Петрограде.

В этот же день в Ревеле началось восстание. Как только на корабль пришло сообщение о выступлении рабочих русско-балтийского завода, фабрики Лютера и завода Беккера, матросы начали стихийно уходить с корабля.

Кроме командования носовым артиллерийским плутоном, я имел еще одну обязанность – заведовал корабельным стрелковым оружием. Увидев, что матросы идут с корабля безоружными, я предложил Заикину:

«Надо бы винтовки выдать, ключи от погреба у меня».

«А не боишься? За такое дело повесить могут».

«Семь бед – один ответ. Один и отвечу за всех, если чего».

Заикин крепко пожал мне руку:

«Ну спасибо, браток!»

И крикнул:

«Эй! Подходи, разбирай оружие!»

Открыв пирамиды в офицерском проходе и в погреб, я достал ящики с патронами для винтовок и револьверов и стал раздавать винтовки и револьверы матросам. Последний револьвер взял себе и тоже ушел в город.

К полудню у городской тюрьмы собралось много рабочих и матросов, которые требовали освободить, находившихся там политических заключенных. Среди заключенных в ревельской тюрьме были и матросы – участники восстания 19 июня 1906 года на крейсере «Память Азова».

Комендант ревельской крепости контр-адмирал Герасимов пытался уговорить восставших, но на него никто не обращал внимания. Тогда он решил напугать восставших и приказал тюремной страже открыть огонь. Мы ответили тем же. Завязалась перестрелка. Контр-адмирал Герасимов был ранен, начальник тюрьмы убит, сопротивление охраны сломлено.

Мы ворвались в тюрьму, открыли камеры и стали выпускать из них заключенных. Вскоре начались митинги. Выступали заключенные. Все было – слезы, поцелуи и восторги. Оркестр исполнял «Марсельезу»; один за другим выступали ораторы. Среди них были не только большевики, но и меньшевики и эсеры. В их речах политически неопытной массе трудно было разобраться.

Меньшевикам и эсерам помогло контрреволюционное офицерство. Начальнику бригады крейсеров контр-адмиралу Пилкину и начальнику бригады подводных лодок контр-адмиралу Вердеровскому обещанием некоторых уступок удалось удержать матросов кораблей от активных выступлений, и вскоре движение в Ревеле начало затихать. Уже 4 марта эсерово-меньшевистский исполком Ревельского Совета опубликовал приказ, в котором рабочим предлагалось приступить к работе, а гарнизону и командам кораблей начать немедленно повседневные занятия.

Такой оборот дела лично мне грозил серьезными последствиями. Я должен был отвечать за самовольную раздачу оружия. Положение усугублялось тем, что матросы решили не возвращать револьверов, хотя винтовки снова поставили в пирамиды. Естественно, что все матросы переживали за меня. Кое-кто предложил даже сдать и револьверы. Но это было неразумно, ибо все мы понимали, что оружие нам еще пригодится. Помог корабельный артиллерист старший лейтенант Ф.Ф. Ключанов. Ему удалось выписать револьверы со склада порта и замять дело с оружием.

После победы февральской революции большевистские организации вышли из подполья и начали энергичную работу в новых, легальных условиях. С 5 марта возобновился выход «Правды», вслед за ней начала выходить «Солдатская правда», пользовавшаяся большой популярностью у моряков. Начали издаваться и матросские большевистские газеты «Голос правды», «Волна». На кораблях выбираются судовые комитеты. 27 апреля 1917 года избранные матросами представители флота образовали Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) во главе с матросом П.Е. Дыбенко.

На общем собрании команды нашего эсминца председателем судового комитета был единодушно избран матрос Заикин. Секретарем комитета избрали меня.

В этом собрании участвовали не только матросы, но и офицеры корабля, за исключением бежавшего сразу же после революции монархиста Поликарпова. Офицеры продолжали нести службу, стали более лояльно относиться к матросам, участвовали во всех собраниях и митингах, проходивших на корабле чуть ли не ежедневно. Политически неопытная матросская масса подчас относилась к офицерам слишком доверчиво, верила их речам.

Особенно часто выступал с речами на собраниях и митингах врач эсеров Сивков. Он умел говорить страстно и увлекательно, подкупал своим красноречием, и нередко ему удавалось убедить некоторых матросов в том, что якобы только партия эсеров по-настоящему борется за свободу. Но стоило после Сивкова выступить Заикину, как туман, напущенный эсеровскими речами, рассеивался. Однако Сивков не хотел сдаваться, признать несостоятельность политики эсеров. Позднее, в 1922 году, в Кронштадте, я снова встретил Сивкова. Пыл его к тому времени совсем пропал, он объявил себя вне всяких партий.

Впрочем, на матросов старались оказывать влияние не только эсеры, а и все партии того времени. Дело было не только в политических спорах и дискуссиях. Меньшевики, эсеры, контрреволюционное офицерство стремились ограничить права выборных матросских органов. Столкновения матросов с офицерами по вопросу о правах и функциях комитетов начали принимать массовый характер. Работа комитетов затруднялась отсутствием положений о них. Приходилось руководствоваться лишь чутьем, сознанием правоты и святости борьбы за дело трудового народа. Это чутье редко обманывало.

Во всем, что говорилось на митингах и собраниях, разбираться было трудно. Специальных докладчиков, которые могли бы разъяснить истинное положение дел в стране, не было. Газеты были самых различных направлений, давали самые противоречивые сведения. К политическим деятелям приходилось относиться осторожно. Матросы больше доверяли выходцам из своей, матросской среды, таким политическим вожакам, как Дыбенко, Сладков, Ульяновцев.

Но был один человек, в которого верили беззаветно, чей авторитет был непоколебим – Владимир Ильич Ленин. Газеты с его статьями зачитывались до дыр, каждое его слово наполняло решимостью и верой. Матросы видели, что февральская революция не принесла желанной свободы, не дала народу ни мира, ни земли, ни власти. Большинство моряков понимало, что для победы дела рабочего класса и крестьянства нужен еще один решительный бой.

Флот готовился к этому бою и со дня на день ждал призыва большевиков к решающему штурму капитала.

Корабли революции идут в Петроград

«Победа Октября – главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества» (из постановления ЦК КПСС о 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции). Начало новой эры возвестил исторический выстрел крейсера «Аврора» 25 октября 1917 года.

Если о стоянке на Неве у Николаевского моста легендарного крейсера «Аврора» знают все, начиная со школьной скамьи, то о том, что по личному указанию В.И. Ленина Центробалт направил в Петроград еще десять боевых кораблей, знают немногие. К 19 часам 25 октября 1917 года по заранее составленной диспозиции между Николаевским мостом и до Морского канала заняли свои места: эскадренные миноносцы «Забияка», «Самсон», сторожевой корабль «Ястреб», минные заградители «Амур» и «Хонер», тральщики № 14 и № 15, учебное судно «Верный», яхта «Зарница», линейный корабль «Заря Свободы».

Мне довелось в тот памятный день быть на эскадренном миноносце «Забияка». Как артиллерийский унтер-офицер и как секретарь судового комитета я принимал участие в вооруженном восстании.

На нашем корабле, на эсминце «Забияка» события развивались так. Когда на корабль возвратился председатель судового комитета В. Заикин, он собрал судовой комитет, обсудил вместе с матросами обстановку и поручил мне возглавлять отряд из тридцати человек для участия в штурме Зимнего дворца. Быстро собрали команду из добровольцев, представителей всех специальностей. Под моей командой отряд выступил на выполнение задания. Как сказано в сборнике документов «Балтийские моряки...»: «В штурме Зимнего дворца приняли участие матросы Кронштадтского сводного отряда, частей флота и кораблей, находившихся в Петрограде». («Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». Изд. Академии наук СССР. М.-Л., 1957, стр. 241).

К Дворцовой площади с разных направлений по улицам, набережной и проездам двигались отряды рабочих-красногвардейцев, матросов и солдат. Они окружили Зимний дворец, где заседало Временное правительство.

В то время во многих местах Дворцовой площади были сложены добротные дрова. По всей вероятности, они использовались некоторыми учреждениями и владельцами богатых домов для отопления. Укрывшись за штабелями дров, юнкера и ударницы женского батальона Бочкаревой чувствовали себя в полной безопасности.

Во время перехода нашего отряда к Дворцовой площади – месту боевых действий – мы слышали орудийный выстрел. Это был выстрел «Авроры». Он ободрил матросов, еще больше воодушевил их на борьбу за правое дело, за власть Советов, мобилизовал их на преодоление всех препятствий на пути, указанном Лениным. Мы поняли, что этот выстрел явился сигналом к началу боевых действий, сигналом к штурму Зимнего дворца.

Только позже мы узнали, что произошло на крейсера «Аврора».

Антонов-Овсеенко в 21 час 25 октября предъявил ультиматум Временному правительству. В нем содержались требования прекратить сопротивление, сложить оружие и убрать охраняющие Временное правительство ударные батальоны. Текст ультиматума был вручен генералу Пораделову в помещении штаба Петроградского округа. Дальнейшие действия Временного правительства показали, что оно отказывалось выполнять предъявленные требования.

Оценив обстановку, Антонов-Овсеенко заранее согласовав свои действия с судовым комитетом, дал указание его председателю – комиссару крейсера «Аврора» А.В. Бельшеву произвести орудийный выстрел. Выстрел «Авроры» явился сигналом для перехода к активным боевым действиям и означал: **«ОТРЯДАМ НАЧАТЬ НАСТУПЛЕНИЕ ПО РАЗРАБОТАННЫМ ПЛАНАМ».**

Место стоянки крейсера на середине реки Невы обеспечивало ему свободный обзор прилегающих районов и делало его хорошо видимым. Звук выстрела и пламя огня разорвали ночную мглу над тревожно притихшим городом. Этот исторический выстрел был произведен баковым носовым орудием шестидюймового калибра холостым зарядом. В кранцах на верхней палубе имелись и боевые снаряды, однако их не пришлось использовать. Баковым орудием корабля командовал артиллерийский унтер-офицер П. Петушков, Орудийный расчет, состоявший из 8 человек, занял пост по боевой тревоге. Получив команду комиссара Бельшева «Выстрел», Петушков приказал зарядить орудие холостым зарядом и дал команду «Залп». Первый наводчик Евдоким Огнев нажал педаль ногой и произошел выстрел, возвестивший начало штурма Зимнего дворца.

Выстрел «Авроры» ознаменовал переход власти в руки рабочих и крестьян – строителей социалистического общества, великие завоевания которого мы празднуем в этом году в шестидесятый раз.

Хотелось бы сказать несколько слов еще об одном событии, которое произошло накануне штурма Зимнего дворца. О нем мне рассказывал старый знакомый Иван Федорович Пуринов – бывший артиллерийский кондуктор (было такое звание на флоте, которое давалось сверхсрочнослужащим всех специальностей).

И.Ф. Пуриков служил в это время в Петрограде на Ржевском морском артиллерийском полигоне, который находился в районе между Охтой и Ладожским озером. Служившие и работавшие на этом полигоне знали все системы орудий, начиная с Петровских времен.

По рассказу И.Ф. Пурикова руководство полигона в те дни получило приказание направить в Петропавловскую крепость в распоряжение комиссара ВРК группу специалистов, хорошо знающих артиллерийское оружие. Фамилию комиссара Пуриков, к сожалению, не помнил.

Оказалось, что старший офицер-артиллерист Петропавловской крепости пытался убедить комиссара ВРК в том, что орудия крепости непригодны к стрельбе, что при попытке стрелять из них могут быть большие неприятности, вплоть до разрыва стволов.

Группа Пурикова прибыла в Петропавловскую крепость, тщательно и всесторонне осмотрела орудия и нашла их вполне пригодными для производства нескольких десятков выстрелов.

Комиссар ВРК горячо поблагодарил Пурикова и остальных членов группы и приказал Ивану Федоровичу вступить в командование артиллерией крепости, что и было им сделано.

Позже было установлено, что вызвать с полигона моряков-специалистов посоветовал Я.М. Свердлов, когда ему доложили, что офицер-артиллерист Петропавловской крепости отказался исполнить приказ об использовании крепостной артиллерии, ссылаясь на непригодность орудий.

В Петропавловской крепости с давних времен имелись сигнальные пушки, установленные на крепостной стене. Вот эти-то пушки игодились теперь для стрельбы по Зимнему дворцу. Если раньше они исправно подавали сигналы точного времени, то теперь также точно вели огонь по последнему оплоту Временного правительства.

Как я упоминал выше, с приходом эскадренных миноносцев «Забияка» и «Самсон» в Петроград, состоялось совместное совещание председателей судовых комитетов «Авроры», «Забияка» и «Самсона». На совещании было принято решение взять на себя охрану Николаевского моста. Личный состав для выполнения этой задачи был выделен из команд крейсера «Аврора» и эскадренного миноносца «Самсон». С эсминца «Забияка» выделялась команда в количестве 30 матросов для участия в штурме Зимнего дворца. Кроме обеспечения охраны Николаевского моста, крейсер «Аврора» и эскадренный миноносец «Самсон» должны были иметь резерв в количестве 100 человек, готовый по первому требованию выступить к Зимнему дворцу.

Рано утром 24 октября было передано по радио постановление Военно-революционного комитета при Петроградском Совете о начале вооруженного восстания.

Радиостанция крейсера «Аврора» была использована для связи с Советами. 24 октября В.И. Ленин прибыл в Смольный и возглавил руководство вооруженным восстанием. По плану Военно-революционного комитета штурм Зимнего дворца должен был происходить с трех направлений – по Миллионной улице, из-под арки Главного штаба и со стороны Адмиралтейства. С последнего направления к Зимнему дворцу двигались матросы, а вместе с ними и отряд эсминца «Забияка», которым командовал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.